

**Криптотип.
Семиотические подходы к неявной грамматике**

С. Г. Проскурин, О. М. Орехова

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация: В статье анализируются крипто типы, т.е. скрытые, тонкие, едва уловимые смыслы, которые не заключены в конкретных словах, но которые все-таки выявляются в лингвистическом анализе. В статье впервые определяются крипто типы двух видов, которые авторы называют крипто типом Уорфа и крипто типом Сводеша вслед за исследователями, которые стояли на пути их открытия. Согласно нашим выводам, крипто тип Уорфа – это индексальный крипто тип пространственно-временной сопряженности, актуализируемый выбором начального звука (ð в английском, d в немецком etc.). Крипто тип Сводеша актуализируется на базе противопоставления слогов с гласными переднего и заднего ряда. Это иконический крипто тип бинарного типа «близкое» – «далекое», «низкое» – «высокое», «внутреннее» – «внешнее». Крипто типы анализируются на материале немецкого языка.

Ключевые слова: Крипто тип, неявная грамматика, семиотика.

УДК: 811.1' 22 + 811.1' 37 + 811. 1' 34.

Контактная информация: 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ. Тел. (383) 2667389. E-mail: s.proskurin@mail.ru; o.orekhova2006@mail.ru.

В определении крипто типа Б. Уорф отмечает, что для него характерен «скрытый, тонкий, едва уловимый смысл, который не заключен в конкретном слове», но который все-таки выявляется путем лингвистического анализа как функционально важный для грамматики (см. [Proskurin, 2010]). В языке помимо «фенотипических» черт, которые фиксируются как совокупность свойств и признаков, сложившихся в процессе индивидуального развития, имеются неявные «крипто типические» категориальные компоненты, стоящие за вышеупомянутыми признаками. Что же такое неявная грамматика?

Неявная грамматика не экстрагируется эксплицитно в рамках однотипной словоизменяющей категории. Неявная грамматика часто связана

с предыдущими слоями исторической грамматики. Влияние ее слоев сказывается на синхронном слое языка. «Так, архаический пласт английского языка... широко использует морфему *-(e)n* как в имени, так и в глаголе. Причем особенно важно, что это формальное средство не принадлежит только морфологии имени или только морфологии глагола, а именно объединяет их в один слой грамматики, противопоставляя другим слоям» [Степанов, 1981, с. 334]. Объединительная функция, связанная с формой имени и формой глагола, реализуется в виде неявной грамматической категории. Так, Ф. Ф. Фортунатов показал, что в старославянском языке глагольная флексия 1 л. ед. ч. в ее архаической форме в глаголе *въдѣ* «я узнал» является «обломком» парадигмы индоевропейского перфекта, т. е. *въдѣ* происходит из **vʰden*, и что глагольная морфема **en* материально здесь та же самая, что в имени *съма, има* (там же). В грамматических таксономиях глагол в форме инфинитива сближается с именем.

В свое время мы показали, что этимологически родственные слова *καρά* «голова» и *κραίνειν* «исполнять, совершать» связываются с бинарным принципом «микрокосм – макрокосм», стоящим за формами этих древнегреческих слов. Неявная грамматика проступает за лексиконом в виде семантического принципа. Важно отметить абсолютное употребление глагола *κραίνειν* и то, что это действие относится к компетенции богов в ранних древнегреческих текстах (например, «Одиссея» Гомера). Боги «осуществляют», но всегда в присущей им сфере; никогда *κραίνειν* не применяется к индивидуальному человеческому действию. Бинарность форм объясняется отношением головы и кивка головой, санкционирующего исполнение действия. С точки зрения грамматики в анализируемых формах мы имеем дело с «осколками» древнего гетероклитического склонения с двумя чередующимися элементами *-r-* и *-n-*. Таким образом, в неявной грамматике предыдущие слои словоформ влияют на синхронные связи и отношения, т. е. гетероклитическое склонение *r/n* является продуктивным в словообразовательных моделях имен и отыменных форм глагола в древнегреческом языке.

А что же такое неявная криптотипическая категория? Ранее мы уже отмечали криптотип пространственно-временной сопряженности, который просматривается в контекстах с индексальными криптофонемами, выраженными начальным английским звуком [ð]. Впервые криптотип на базе индексальной фонемы отметил Б. Уорф. Вслед за ним назовем его криптотипом Уорфа. Известно, что группировка слов с этим индексальным маркером представляет обособленную группу слов английского словаря, связанную с выражением пространственно-временной сопряженности. Такие слова, как *this, that, these, those, the, they, them, thou, there, then, than* демонстрируют равномерность пространственно-временной категории в силу особой природы аутопоэзиса. Все они несут смысл хронотопа (пространственно-временного единства). Разумеется, идея сопряженности проявляется только в контексте: *This here Mr. Denham. That there dog's lousy*. Так, местоимение *they* «они» входит в эту группу индексальных лексем на совершенно других этимологических основаниях в сравнении с указательными *this* «это», *that* «то», восходящими к индоевропейскому **t*. Несмотря на разную природу происхождения, эти формы в криптотипе Уорфа на синхронном уровне выражают сходный смысл сопря-

женности в пространстве. Таким образом, возникающая сопряженность в индоевропейских языках (а это криптофонема /ð/ в английском, /d/ в немецком, /t/ в русском, а также этимологически неродственные /o/ в хорватском, /qu/ в итальянском) означает однообразно, что свидетельствует о форме языковой экономики, доминирующей в исторических языках [Проскурин, Орехова, 2008, с. 128]. Язык многое исключает, чтобы включить немногое. С помощью немногого выражается разнообразие пространственно-временных связей. Аутопоззис, или самовыстраивающаяся природа, этого явления реализуется в силу условий. Мы, например, никогда не делаем хлеб, а просто создаем условия для его выпекания (дрожжи, тесто, температура и т. д.). Хлеб получается в силу условий. Подобным же образом система указаний в индоевропейских языках имеет как генетическую (этимологическую), так и ситуативную природу. Слова выстраиваются в матрицы пространственно-временной сопряженности ввиду селективных паттернов, существующих в сознании говорящих. Говорящие склонны интерпретировать эти матрицы как реализующие единый функциональный смысл. Любопытно, что неявная грамматика, стоящая за индексальным словарем, в криптотипе Уорфа актуализируется в силу смешанной природы (предыстории и контекста).

В немецком языке криптотипизация сопряженности в пространственно-временном континууме связывает местоименный дейксис *du, dir, dich, dein* с дейксисом указательных местоимений *dieser, dieses, diese, der, die, das* и т. д. Эти формы можно объединить в одну матрицу на основе их вовлеченности в пространственно-временной контекст. Ср.: *Der letzte Roman von Boell, den ich von kurzem gelesen habe, hat mir am besten gefallen* («Последний роман Беля, который я недавно читал, понравился мне больше всего») и *Was du nicht willst, dass fueg' auch keinem andern zu* («Что не пожелаешь себе, того не нужно желать другим»). Разумеется, личные местоимения и указательные местоимения этимологически не связаны, но входят в один и тот же селективный паттерн неявной грамматики. Когда говорящий желает актуализировать идею пространственно-временной сопряженности в немецком языке, он использует одну и ту же криптофонему /d/. «В реалиях аутопозитических построений, т. е. самопостроений, особый интерес вызывают дейктические криптофонемы, обнаруживаемые во многих языках индоевропейской семьи. Криптофонемы – это определенные ступки схождения звучаний дейктических терминов, формирующих (аналогично клеточной мембране, участвующей в креации новых клеток) дейктическое пространство. До сих пор, т. е. до прихода в лингвистику теории аутопоззиса, оставался незамеченным поразительный факт схождения в некоторое множество терминов сопряженности в пространстве и времени» [Проскурин, Орехова, 2008, с. 128]. В грамматическом аспекте показателен факт использования криптотипа Уорфа в немецком, в качестве опоры смыслов предшествования (*Vorzeitigkeit*), одновременности (*Gleichzeitigkeit*) и следования (*Nachzeitigkeit*): «In jener Zeit zeigte unser Gast in der Tat ein verändertes Benehmen und Aussehen, war sehr viel ausser Hause, zuweilen auch ganze Nächte, und seine Bücher lagen unberührt. Die wenigen Male, die ich ihn *damals* antraf, schien er auffallend lebendig und verjüngst, einige Male geradezu vergnügt. *Gleich darauf* folgte allerdings eine neue schwere Depression, er blieb tagelang im Bett, ohne Essen zu begehren, und in jene Zeit fiel auch ein außerordentlich heftiger,

ja brutaler Zank mit seiner wieder aufgetauchter Geliebten, der das ganze Haus revoltierte und für welchen Haller *tags darauf* meine Tante um Entschuldigung gebeten hat» [Hesse, 1987, Bd. 4, S. 203–204] («В то время наш гость действительно изменил свое поведение, изменился также его внешний вид. Он очень много времени проводил вне дома, порою даже целые ночи, и его книги лежали нетронутыми. Несколько раз, когда я его заставал, он казался чрезвычайно оживленным и помолодевшим, а иногда прямо веселым. Сразу после этого, однако, опять следовала тяжелая депрессия, целыми днями он оставался в постели, отказываясь от еды, и на то время пришлась также необыкновенно резкая, даже грубая ссора с его вдруг появившейся возлюбленной. Эта ссора вызвала протест всего дома, и из-за этого Галлер на следующий день просил прощения у моей тети»).

В произведении Г. Гессе герой соотносит событие с последующими ситуациями, используя ресурс *darauf – gleich darauf* (сразу после этого), *tags darauf* (на следующий день). В контексте присутствует также временной маркер, относящий описываемые события к прошлому – *damals*. Автор описывает резкие перемены в поведении героя, используя *darauf* в сочетании с *gleich* и *tags*, что показывает следование событий в прошлом. Так, он казался необычайно оживленным и помолодевшим, но сразу после этого вновь следовала тяжелая депрессия, он днями оставался в постели, и в то время разразился скандал с его возлюбленной, за который Галлер на следующий день просил прощения.

В рамках измерения криптотипа выявлено последовательное разворачивание событий в прошлом, т. е. выстраивается структура с базовым формантом *darauf – gleich darauf, tags darauf* и актуализируются временные отношения:

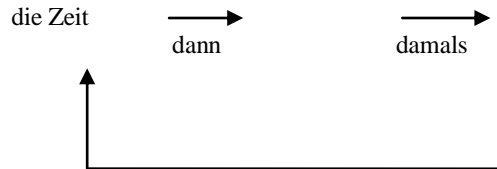
- за основу берется событие, которое произошло раньше – *damals*;
- затем описываются события, которые были после – *gleich darauf..., tags darauf...*

Таким образом, отношения предшествования, одновременности, следования выявляются во всем контексте в целом, при этом создается реляция. К реляционным свойствам слова принадлежат такие его признаки, как сочетаемость, стилистическая тональность (например, книжность, разговорность, просторечность и т. д.), архаичность, новизна и др. Реляционные значения слов, как и реляционные значения фонем, в отличие от лексических значений в традиционном смысле не имеют коррелятов (референтов) в объективной действительности. Они целиком и полностью обусловлены внутренними отношениями компонентов языковой системы. Семантический ряд, обозначающий развитие события во времени, включает маркеры *damals* – «тогда», *gleich darauf* – «сразу после этого», *tags darauf* – «на следующий день». Наполнение криптотипа Уорфа связано с грамматической функцией временной реляции.

Этот криптотип присутствует в контекстах с использованием базовых наречий времени *da, dann, damals*, которые также выражают отношения одновременности, следования и предшествования событий.

«Ich erinnerte mich an die Zeit, als ich dort gefischt und von Abenteuern in fremden Ländern geträumt hatte – ich hatte sie später dann erlebt, aber anders, als ich sie mir damals vorgestellt hatte» [Remarque, 2004, S. 42].

«Я вспомнил время, когда ловил там рыбу и мечтал о приключениях в чужих краях, – потом, позже со мной это произошло, но иначе, чем я представлял себе это тогда».

Два временных дейктика (*die Zeit*, *damals*) относятся к одному и тому же моменту речи; в целом же вся структура, представленная на временной оси, показывает следование событий, а также предшествование. Герой романа мысленно возвращается к воспоминаниям, удаленным от него во времени. Автор повествования использует в первом случае существительное (*die Zeit*), затем наречие времени (*damals*), указывающее на предшествование. Во временном отношении содержание предложения поделено на две части: 1) время, когда герой повествования мечтал; 2) время, когда эти мечты осуществились.

Итак, криптотип Уорфа – индексальный криптотип пространственно-временной сопряженности, который актуализируется в контекстах, имеющих грамматическую значимость. Селективный паттерн говорящего по-немецки актуализируется выбором начального звука.

«Sein Gedächtnis, dieses abnorme Gedächtnis, das auf Jahre hinaus mechanisch die Nummer eines Eisenbahwaggons behielt, in dem er von San Franzisko nach Chikago gefahren war, dieses Gedächtnis war wie ein ewig waches Gewissen. Er wußte, woher er diesen Gedanken hatte, den er als originales Produkt vorführte, diese Art, den Hut zu ziehen, diese Art, zu sprechen, diese Art, zu lächeln, und diese Art, jemanden anzusehen, der ihn langweilte. Sobald er all dieses erkannt hatte, begriff er, weshalb sein Instinkt ihn gerade zu jener Pose geführt hatte, die sicherste war Ruhe, Würde, Schweigsamkeit. Und selbst diese Pose war aus Millionen Elementen zusammengesetzt, die er von anderen Menschen entlehnt hatte» [Kellermann, 1969, S.189].

«Его память, эта необычная память, которая на протяжении многих лет хранит номер вагона, в котором он приехал из Сан-Франциско в Чикаго, эта память была как вечно живая совесть. Он знал, откуда у него появилась эта мысль, которую он представлял как оригинальный результат, эта манера кланяться (снимать шляпу), эта манера говорить, улыбаться и эта манера смотреть на кого-то, кто наводил на него скуку. Как только он обо всем этом узнал, он понял, почему инстинкт привел его именно к той позе, которая была самой надежной: спокойствие, достоинство, неразговорчивость. И сама эта поза была составлена из миллионов (множества) элементов, которые он позаимствовал у других людей».

Помимо криптотипа Уорфа в неясной грамматике индоевропейских языков регистрируется криптотип, который мы назовем криптотипом М. Своде-

ша¹. Сам М. Сводеш относил это явление к примеру звукового символизма. На наш взгляд, с семиотической точки зрения это иконический криптотип бинарного типа, выражающий отношения типа «близкое – далекое», «низкое – высокое», «внутреннее – внешнее» и т. д. Криптотип Сводеша актуализируется на базе противопоставления слогов с гласными переднего и заднего рядов. В индоевропейских языках смыслы «близкое», «низкое», «внутреннее» актуализируются с помощью криптослога с участием переднего узкого гласного (i-тип, e-тип), противопоставленного криптослогу с гласным заднего ряда (a-тип, o-тип, u-тип), которые кодируют смыслы «удаленного», «высокого», «внешнего». Например, пары в английском:

here – there «здесь – там»
 near – far «близкий – далекий»
 this – that «этот – тот»
 in – out «в – вне» [Danesi, 2012, S. 201].

В немецком языке бинарная оппозиция пространственного типа, подобная оппозиции «близкое – далекое», регистрируется как неявная грамматическая категория с иконическими показателями:

«Hier und da blühten noch die Kirschbäume. In manchen Stuben wuchs schon das Moos... in den Stirnwänden waren hier und da noch die Pflöcke fürs Vieh zu sehen» [Böll, 1989, S. 43].

«То здесь, то там еще цвели вишни. В некоторых комнатах вырос уже мох... в торцовых стенах то здесь, то там были еще видны колышки для животных».

Любопытно, что неявная грамматика сохраняется в русском переводе. Текст также содержит криптослоги Сводеша: здесь, там; то здесь, то там. Регистрируемый криптотип реализуется в пространственном смысле (oertlich).

«...er... warf hier und da ein knarrendes Wort in die Unterhaltung ein und bot schließlich dem Gast seine goldene Zigarettendose dar» [Mann, 1984, S. 187]. – «...время от времени он вмешивался в разговор хриплым голосом и, наконец, протянул гостю свой золотой портсигар».

Приведенный контекст с криптотипом Сводеша фиксирует временные категоризации в значении периодов (zeitlich).

Иногда криптотипизация способствует смене семантемы, стоящей за словарем. На материале французского языка это показал Ю. С. Степанов. Грамматическое качество криптотипа поддерживается оппозицией криптослогов. Правда, в процессе эволюции семантический принцип изменяется. Во французском языке существует два основных предлога для выражения местонахождения: *en* и *à*. Противопоставление между ними сохраняется неизменным около пяти веков (приблизительно, с начала XV в.). Одни слова, обозначающие географическое понятие, сочетаются всегда с предлогом *en* (образуя один класс), другие – всегда с предлогом *à* (другой класс).

¹ Явление открыто в 1950-е гг. американским лингвистом Морисом Сводешом.

С предлогом <i>en</i>	en France	во Франции (страна)
	en Belgique	в Бельгии (страна)
	en Auvergne	в Оверни (провинция во Франции)
		в этом месте (здесь)
	en ce lieu	в этот момент (теперь)
	en ce moment	и т. д.
С предлогом <i>à</i>	à la Martinique	на Мартинике (остров)
	à Madagascar	на Мадагаскаре (остров)
	au lointain	вдали (там)
	à ce moment	в тот момент (тогда)
		и т. д.

Если теперь посмотреть, какие пространственные явления стоят за тем и другим классом слов, то видим, что для французского языка пространства характерно четкое членение на два плана: далекое (с предлогом *à*) – близкое (с предлогом *en*). Эта структурная основа сохраняется здесь неизменной на протяжении столетий.

Однако за пятьсот лет, особенно с конца XVIII в., произошли и кое-какие изменения:

	До конца XVIII века		С конца XVIII века		
Предлог <i>en</i> (близкое)	{ en France	во Франции	en France	} Предлог <i>en</i> (часть континента)	
	{ en Belgique	в Бельгии	en Belgique		
	{ en Auvergne	в Оверни	en Auvergne		
Предлог <i>à</i> (далекое)	{ à la Martinique	на Мартинике	à la Martinique	} Предлог <i>à</i> (остров)	
	{ à Madagascar	на Мадагаскаре	à Madagascar		
	{ à la Jamaïque	на Ямайке	à la Jamaïque		

Отсюда следует вывод: система словесного языка здесь не претерпела существенных изменений – предлог *en* так же противопоставляется предлогу *à*, как и до конца XVIII в.; но система языка пространства существенно изменилась – выражения с предлогом *en* теперь уже не означают близкое, а с предлогом *à* не означают далекое; первые означают страны, части континента, вторые – острова. Правда, новая система не вытеснила старую, а как бы наложилась на нее, ведь структурное ядро, как уже было сказано, осталось неизменным. Поэтому возможны промежуточные гибридные случаи: например, близкие большие острова трактуются как страны (*en Corse* – на Корсике, *en Sardaigne* – в Сардинии), а дальние маленькие страны – как острова (*à la Guadeloupe* – в Гваделупе) [Степанов, 1998, с. 66–67]. В русском языке подобная замена в криптотипе произошла с предлогами *в* и *на* в пространственном значении, когда они стали употребляться иначе с географическим наименованием Украина.

на Ямайке (остров)	в Ямайке (государство)
на Памире	в Италии
на Алтае	в Германии
Ср.: на Украине (на территории), в Украине (после 1991 г.).	

Замена предлога *на* на предлог *в* связана с обретением Украиной государственной независимости, т. е. переходом в систему географических наименований государств. Но вернемся к крипто типу Сводеша. Иногда крипто типизации связаны с метафорическими смыслами счетных слов: *то один, то другой*. Здесь бинарность предстает как конкретизация противопоставления.

«*Noch während dieses Tages in der Schlucht von Morbio, noch während unseres eifrigen Suchens nach dem Verschwundenen vermißte bald dieser, bald jener von uns irgend etwas Wichtiges, etwas Unentbehrliches im Gepäck...* [Hesse, 1987, Bd. 6, S. 31]. «Еще в течение этого дня в ущелье Морбио, еще во время наших усердных поисков пропавшего, то один то другой из нас недосчитывался чего-то важного, чего-то крайне необходимого в багаже...»

Крипто тип Сводеша в усеченном формате несет эмфатическую функцию, усиливающую с помощью крипто слова в значении «близкое» тему указательности:

«*“Dies ist der Wolfshund Necker”, sagte Leo vorstellend, “wir sind sehr gute Freunde. Necker, dies hier ist ein ehemaliger Violinspieler, du darfst ihm nichts tun, auch nicht bellen”*» [Hesse, 1987, Bd. 6, S. 50] «Это немецкая овчарка Некер, – сказал Лео, представляя его мне, – мы с ним очень хорошие друзья. Некер, это бывший скрипач, ты не должен его трогать, даже лаять на него».

Кроме указательности, крипто тип Сводеша ответственен за передачу пространственных разграничений:

«*Verzweiflung ist das Ergebnis eines jeden ernstlichen Versuches, das Leben mit der Tugend, mit der Gerechtigkeit, mit der Vernunft zu bestehen und seine Forderungen zu erfüllen. Diesseits dieser Verzweiflung leben die Kinder, jenseits die Erwachten*» [Hesse, 1987, Bd. 6, S. 68]. «Отчаяние – это результат любой серьезной попытки прожить жизнь в добродетели, в справедливости, в благоразумии и выполнить предъявленные ею требования. По одну сторону этого отчаяния живут дети, по другую – пробужденные».

В крипто типе Сводеша реализуются темы «здесь – там», «туда – сюда», «взад – вперед». Любопытно, что конкретизация направления и характера движения всегда происходит в определенном контексте, они всегда зависят от контекста.

«*Der Wind saß im Ofen und paffte uns das Haus voll, während mein Vater hin und her ging und offenbar nach Gründen suchte, um seinen Aufbruch zu verzögern, hier etwas ablegte, dort etwas aufnahm, die Gamaschen im Büro anlegte, das Dienstbuch am Eßtisch in der Küche aufschlug...* [Lenz, 1973, S. 19]. «Ветер засел в печи и продымил весь дом, а отец тем временем ходил взад и вперед по комнатам, явно искал повод, чтобы задержать свой отъезд: здесь что-нибудь положит, там что-нибудь возьмет, в своем кабинете он надел гамаша, на кухне на обеденном столе открыл служебную книгу...»

В историческом аспекте двойственность пространства явилась инновацией в индоевропейских языках, пришедшей на смену троичной референции

Я – дейксис, Ты – дейксис, Он – дейксис. В свое время в работе «Семиотика индоевропейской культуры» (1999) рассказывалось о переходе парадигм ослабленных и усиленных указательных местоимений к дуальной оппозиции *his* «этот» – *that* «тот». В древнеанглийском языке пространство ближнее и дальнее противопоставлялось как *þider* «туда» – *þanon* «оттуда», а также как *hider* «сюда» – *heonan* «отсюда». Фронтальные и задние гласные явились маркерами бинарной оппозиции по признаку направления движения от ближнего к дальнему и от дальнего к ближнему. В немецком языке сохранились приставочные глаголы подобного типа: *hingehn* «идти туда» и *hergehen* «приходить сюда». Во множестве контекстов криптотипизация по Сводешу связана не только с двойственностью пространства, но и с направлением движения.

«*Verstört, unfähig zu arbeiten, ging er in seinem Arbeitsraum hin und her*» [Kellermann, 1969, S. 350]. «Расстроенный, не в силах работать, он ходил взад и вперед (или «из угла в угол») по своему кабинету».

«*Er trank Kaffee in einem Saloon und wanderte den ganzen Vormittag in den Straßen hin und her*» [Kellermann, 1969, S. 345]. «Он выпил кофе в каком-то кафе и всю первую половину дня гулял по улицам туда и обратно».

«*Zwischen ihnen schossen Journalisten hin und her, und die Kinematografen drehten mit erstarrten Händen die Kurbel*» [Kellermann, 1969, S. 369]. «Между ними из стороны в сторону метались журналисты, а кинооператоры ооченевшими руками вращали ручки аппаратов».

В одном из контекстов бином Сводеша маркирует способы жестикуляции или жесты. Наиболее приемлемый перевод на русский язык звучит как «так и этак».

«*“Zeigen Sie mir Ihre Hände”, sagte sie. Ich legte meine Hände mit den Flächen nach oben auf den Tisch, sie drehte sie um und wendete sie hin und her*» [Kraht, 2010, S. 41]. «“Покажите мне Ваши руки”, – сказала она. Я положил свои руки ладонями вверх на стол, она перевернула их и поворачивала так и этак».

Обратите внимание, что в следующем контексте кодируются смыслы «здесь и там», повторно подкрепленные отношением местоименного дейксиса *mir und jenen* «мной и теми», согласованным с алгоритмом Сводеша.

«*Die Sonne glänzte auf der Spitze des Turmes. Der Hügelrücken stand scharf und ernst zwischen hier und dort, zwischen mir und jenen untergegangenen Dämmerungen*» [Hesse, 1987, Bd. 1, S. 23]. «Солнце блестело на вершине башни. Хребет холма возвышался отчетливо и спокойно здесь и там, между мной и теми наступившими сумерками».

В крипто типе Сводеша передаются временные отношения «dieser – voriger».

«*Ich pflege daher in dieser heißen Jahreszeit zu ruhen, nachts ist aber meine Reise fortzusetzen und so befand ich mich dann auch in voriger Nacht auf der Reise*» [Hoffmann, 1967, S. 75]. «Оттого я имею обыкновение в это жаркое время года отдыхать днем, а ночью продолжать свое путешествие; так и прошедшей ночью я был в пути».

Очень часто криптотипизация происходит в формульных единствах:

«*Jeden Abend um elf erschien er im Klub, um zwei Stunden zu spielen. Er spielte besonnen, nicht zu hoch und nicht zu niedrig, schweigsam, zuweilen mit den*

roten, wulstigen Lippen in seinen schwarzen Bart plusternd» [Kellermann, 1969, S. 185].

«Каждый вечер в одиннадцать он появлялся в клубе, чтобы поиграть два часа. В игре он был рассудителен, играл не по крупному, но и не по малому (вел не большую игру, но и не малую)...»

В этом смысле бинарная оппозиция «nicht zu hoch und nicht zu niedrig» («не по крупному, но и не по малому») актуализирует искомый криптотип. Помимо этого иногда оппозиция выражает целостность на уровне всего выражения формульного типа: «hoch und niedrig» – «каждый, всякий; все без исключения». Данная формула – меризм, т. е. двуединая структура, обозначающая целостность через ее компоненты – низкое и высокое.

Итак, помимо традиционных в грамматике имеются нетрадиционные категории, опирающиеся в своем развитии на весь пласт прошлого развития. Такие криптотипизации просматриваются одновременно в фонологии, грамматике и семантике.

Литература

Danesi M. Linguistic Anthropology. Toronto, 2012.

Proskurin S. G. Essays in Contemporary Semiotics. N. Y.; Ottawa; Toronto, 2010.

Проскурин С. Г., Орехова О. М. Аутопозис дейктических матриц // Критика и семиотика. 2008. Вып. 12.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

Список источников примеров

Hesse H. Der Steppenwolf // Hesse H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 4.

Böll H. Irisches Tagebuch. Heinrich Böll Werke. Romane und Erzählungen. Stuttgart, 1989.

Mann Th. Königliche Hoheit. Frankfurt am Main, 1984.

Hesse H. Die Morgenlandfahrt // Hesse H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 6.

Lenz S. Deutschstunde. Roman. München, 1973.

Hesse H. Frühe Prosa. Eine Stunde hinter Mitternacht // Hesse H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 1.

Hoffmann E. T. A. Klein Zaches genannt Zinnober. Frankfurt am Main, 1967.

Kellermann B. Der Tunnel. Roman. Berlin, 1969.

Kracht Ch. Ich werde hier sein im Sonnenschein und im Schatten. München, 2010.

Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. Ремарк Э.М. Ночь в Лиссабоне. Роман. На нем. яз. М.: Издательство "Менеджер", 2004.

Article metadata

Title: Cryptotype. Semiotic approaches to subtle grammar.

Author: S.G. Proskurin.

Author's e-mail: s.proskurin@mail.ru.

Author affiliation: Novosibirsk State University, Tomsk Polytechnic University.

Author: O.M. Orekhova.

Author's e-mail: o.orekhova2006@mail.ru.

Author affiliation: Novosibirsk State Technical University.

Abstract: This article provides an analysis of cryptotypes, that is hidden, subtle, elusive senses, which are not expressed with single words but which could be singled out in linguistic analysis. In the article two types of cryptotypes are defined, which are named by the authors of the article as a cryptotype of B. Whorf and a cryptotype of M. Swadesh, that is after the surnames of the researchers, who stood on the way of their discovery. In accordance with us, the cryptotype of Whorf is an indexical cryptotype of unity with space and time, when a person feels at one with them. It is introduced with a choice of the initial sound (ð in English, d – in German). The cryptotype of Swadesh is introduced with an opposition of syllables having front and back vowels. This is an iconic cryptotype of binary form such as “near-far”, “in –out”, “inner –outer” etc. The given cryptotypes are analysed in German.

Key terms: Cryptotype, subtle grammar, semiotics.

Reference literature (in transliteration):

Danesi M. Linguistic Anthropology. Toronto, 2012.

Proskurin S. G. Essays in Contemporary Semiotics. N. Y.; Ottawa; Toronto, 2010.

Proskurin S. G., Orekhova O. M. Autopojezis dejkticheskikh matric // Kritika i semiotika. 2008. Vyp. 12.

Stepanov Ju. S. Imena. Predikaty. Predlozhenija. Semiologicheskaja grammatika. M., 1981.

Stepanov Ju. S. Jazyk i metod. K sovremennoj filosofii jazyka. M., 1998.

Source list of examples:

Hesse H. Der Steppenwolf // Hesse H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 4.

Böll H. Irisches Tagebuch. Heinrich Böll Werke. Romane und Erzählungen. Stuttgart, 1989.

Mann Th. Königliche Hoheit. Frankfurt am Main, 1984.

Hesse H. Die Morgenlandfahrt // Hesse H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 6.

Lenz S. Deutschstunde. Roman. München, 1973.

Hesse H. Frühe Prosa. Eine Stunde hinter Mitternacht // Hesse H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 1.

Hoffmann E. T. A. Klein Zaches genannt Zinnober. Frankfurt am Main, 1967.

Kellermann B. Der Tunnel. Roman. Berlin, 1969.

Kracht Ch. Ich werde hier sein im Sonnenschein und im Schatten. München, 2010.

Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. Remark Je.M. Noch' v Lissabone. Roman. Na nem. jaz. M.: Izdatel'stvo "Menedzher", 2004.